

МЕКСИКАНСКИЙ АРХИВ

НАСЛЕДНИКИ АРБАТА. КНИГА ШЕСТАЯ

НАЛЕЖДА ЧАРОЛЕЙСКАЯ

Надежда Чародейская Мексиканский архив

<https://litres.ru/74200532>

SelfPub; 2026

Аннотация

Виктория Князева-Ларина — праправнучка легендарной Марьяны Лариной, руководитель экспедиций Академии Хранителей. Она отправляется в Мексику, чтобы найти тайник Братства, спрятанный четыреста лет назад. Мексиканская сторона выделяет ей в помощь архитектора Алехандро Ортегу — самоуверенного, обаятельного и с первой встречи выводящего Тори из себя.

Их столкновение неизбежно, но когда они находят зашифрованные документы о связи Хранителей с древними цивилизациями майя, а за архивом начинают охоту «чёрные археологи», им приходится объединиться. От пирамид Чичен-Ицы до джунглей Юкатана, от подземелий Монте-Альбана до острова Пасхи — Тори и Алехандро идут по следу, который приведёт их к главной тайне Братства в Новом Свете. Это история о наследии, которое не выбирают, о любви, которая сильнее опасности, и о выборе, определяющем судьбу.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Мехико	10
Глава 2. Алехандро	19
Глава 3. Код змей	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Надежда Чародейская

Мексиканский архив

Пролог

Москва, особняк Воронцовых, библиотека
Август, за месяц до отъезда

Марьяна сидела в своём любимом кресле у камина, укрытая пледом, несмотря на тёплый августовский вечер. В последние годы она мёрзла даже летом — возраст давал о себе знать. Ей было восемьдесят четыре, и она уже не ездила в экспедиции, не читала лекций в Академии, не спорила с Верой о цвете фасадов. Но каждый вечер она спускалась в библиотеку, садилась под зелёную лампу и просматривала отчёты. Отчёты со всего мира — из Китая, Индии, Бразилии, Аргентины, Перу, Чили. Её дети, внуки и правнуки разлетелись по континентам, как те самые Хранители, что когда-то составляли карту в пекинском архиве. И каждый присылал ей весточку.

Сегодня на столе лежало письмо от Тори — написанное от руки, на бумаге, а не набранное на компьютере. Правнучка

знала, что прабабушка ценит настоящие письма. «Это как прикосновение», — говорила Марьяна, и Тори запомнила.

Она развернула листок. Почерк у Тори был стремительный, летящий — как у всех Лариных.

«Дорогая бабушка Мара!

Пишу тебе из Лимы. Мы только что вернулись из экспедиции в Анды — нашли ещё один тайник, сорок девятый. Андрей передаёт привет из Чили — у него тоже удачно. Но самое интересное впереди. Вера утвердила мою заявку на Мексику. Я возглавляю экспедицию. Сама. Без мамы и папы, без Андрея. Конечно, со мной поедут студенты и специалисты, но руководителем буду я. Представляешь? Мне двадцать пять, а я уже веду за собой людей.

Мексика — это особенная точка на карте. Согласно бразильским документам, там было одно из крупнейших отделений Братства в Новом Свете. Они не просто оставили архив — они, кажется, нашли что-то, связанное с древними цивилизациями. Майя. Ацтеки. Мы пока не знаем точно. Но я узнаю.

Мексиканская сторона выделила нам специалиста — какого-то Алехандро Ортегу. Я о нём ничего не знаю, кроме

того, что он архитектор и работает в Национальном институте антропологии. Надеюсь, он не будет мне мешать.

Я приеду в Москву перед отлётом. Обниму тебя. Расскажу всё лично.

Твоя Тори».

Марьяна отложила письмо и улыбнулась. Она вспомнила себя в двадцать пять — как стояла в подземном ходе Куракинских, сжимая в руках фонарь и первый найденный ларец. Как боялась и всё равно шла вперёд. Как Дмитрий — тогда ещё просто напарник, а не муж — держал её за руку и говорил: «Ты справишься».

Тори была похожа на неё. Та же горячность, то же упрямство, та же вера в правду. И та же неспособность сидеть на месте.

— Что там? — спросил Дмитрий, входя в библиотеку. Он всё ещё был бодр, хотя ходил теперь с палочкой, и его некогда тёмные волосы стали совершенно белыми.

— Тори едет в Мексику. Возглавит экспедицию.

— Одна?

— С командой. И с каким-то мексиканским архитектором. Пишет: «Надеюсь, он не будет мне мешать».

Дмитрий усмехнулся.

— Помнишь, как ты говорила то же самое обо мне?

— Помню. — Марьяна взяла его за руку. — И ты мне не мешал. Ты мне помогал.

— Вот и этот архитектор, возможно, будет не помехой.

— Посмотрим. Тори упряма. Ей трудно сходить с людьми.

— Как и тебе когда-то.

— Как и мне.

Они замолчали, глядя на огонь в камине. За окнами шумел августовский ветер. Где-то наверху, в детской, играли младшие правнуки — дети Андреа и Максима, которые приехали погостить на лето. Дом был полон жизни, как и сорок лет назад, когда всё только начиналось.

— Ты волнуешься за неё? — спросил Дмитрий.

— Конечно. Мексика — это далеко. И опасно. Но я знаю, что она справится. Она — Ларина.

— Ларины всегда справляются.

— Да. Всегда.

Марьяна снова взяла письмо и перечитала последние строки. «Я приеду в Москву перед отлётом. Обниму тебя. Расскажу всё лично». Она представила, как Тори ворвётся в особняк — стремительная, с горящими глазами, с рюкзаком, набитым картами и документами. Как будет рассказывать о планах, размахивая руками. Как Дмитрий будет ворчать, что она слишком рискует, а сам — тайком гордиться.

— Знаешь, — сказала Марьяна, — я думаю, что это письмо нужно сохранить. Для семейного архива.

— У нас уже тонны писем.

— Это другое. Это письмо от правнучки, которая возглавляет экспедицию в Мексику. Когда-нибудь её дети будут читать его. И гордиться.

— Ты всегда думаешь на два шага вперёд.

— Это семейное.

Дмитрий поцеловал её в висок. И в старом особняке на Пречистенке, под зелёной лампой, которая горела уже почти полвека, два человека, прошедшие через всё, думали о будущем. О Тори, которая готовилась к новому пути. О Мексике, которая ждала своих исследователей. О тайнах, которые ещё предстояло раскрыть.

Их корабль продолжал плыть.

Глава 1. Мехико

Мехико, Международный аэропорт имени Бенито Хуареса

Сентябрь, раннее утро

Мехико встретил Тори жарой — той особенной, плотной жарой, какая бывает только в городах, построенных на высоте двух тысяч метров над уровнем моря. Солнце палило нещадно, но воздух оставался разреженным, и требовалось время, чтобы привыкнуть. Тори, выйдя из зоны прилёта с рюкзаком за плечами, на мгновение зажмурилась и вдохнула незнакомый воздух, пахнувший бензином, специями и чем-то ещё — может быть, историей. Город, раскинувшийся в долине, окружённой горами, был огромен — двадцать миллионов человек жили здесь, на руинах древнего Теночтитлана.

Экспедиция была небольшой, но тщательно подобранной. Трое студентов Академии — двое парней и девушка, все из старшего курса, прошедшие строгий отбор. Инженер-реставратор из «Синего особняка», опытный, с двумя экспедициями за плечами. Переводчик, владевший испанским и несколькими местными диалектами. И, конечно, Тори — руководитель, самый молодой за всю историю Академии.

Она поправила лямку рюкзака и огляделась. Представитель мексиканской стороны должен был встретить их с табличкой. Её взгляд скользил по толпе встречающих — таксисты с плакатами, семьи с воздушными шарами, бизнесмены в строгих костюмах. Она искала табличку с надписью «Academia de los Guardianes» или хотя бы «Knyazeva-Larina», но не видела.

— Сеньорита Князева-Ларина?

Голос раздался сзади — низкий, с мягким испанским акцентом. Тори обернулась.

Перед ней стоял мужчина. Высокий — выше неё на полголовы. Смуглая кожа, тёмные волосы, чуть тронутые сединой на висках, хотя на вид ему было не больше тридцати. Карие глаза, в которых плясали смешинки. Лёгкая небритость. Одет небрежно, но дорого: льняная рубашка с закатанными рукавами, потёртые джинсы, кожаные ботинки ручной работы. На плече — такой же рюкзак, как у неё. В руках — смятая табличка с надписью «Tori».

— Алехандро Ортега, — представился он, протягивая руку. — Можно просто Алех. Я ваш куратор от Института антропологии.

Тори пожала его руку — крепко, по-деловому. Ладонь у него была сухой и тёплой.

— Виктория Князева-Ларина, — ответила она. — Можно просто Тори.

— Тори, — повторил он, пробуя имя на вкус. — Коротко и звучно. Мне нравится. А я думал, вы будете старше.

— А я думала, вы будете... — она запнулась, подбирая слово.

— Менее обаятельным? — Он улыбнулся, и улыбка у него была открытая, располагающая, но с какой-то хитринкой, которая сразу насторожила Тори. — Увы, это мой недостаток.

— Я хотела сказать «менее самоуверенным».

— Это одно и то же. — Он повернулся к остальным членам группы. — Добро пожаловать в Мехико. Машина ждёт. Я отвезу вас в гостиницу, а завтра — в монастырь Сан-Мигель. Там, согласно вашим документам, должен быть тайник.

— Вы читали наши документы? — Тори приподняла бровь.

— Разумеется. Я должен знать, с чем имею дело.

— И что вы думаете?

— Думаю, что это либо величайшее открытие в истории мексиканской археологии, либо тщательно продуманная мистификация. — Он улыбнулся. — Но я надеюсь на первое.

Тори хотела возразить, но сдержалась. Этот Алехандро Ортега ей сразу не понравился. Слишком уверенный. Слишком обаятельный. Слишком... всё. Но он был специалистом, которого выделила мексиканская сторона, и с этим приходилось считаться.

— Едем, — сказала она. — Показывайте ваш монастырь.

Монастырь Сан-Мигель, штат Идальго

Два дня спустя

Монастырь Сан-Мигель, построенный францисканцами в конце XVI века на руинах древнего святилища, стоял на вершине холма, окружённый зарослями агавы и кактусов. Его стены из розоватого камня, потрескавшиеся от времени, но всё ещё крепкие, видели многое: конкистадоров и миссионеров, восстания и эпидемии, запустение и возрождение. Те-

перь здесь был музей, но часть помещений оставалась закрытой для публики — слишком ветхие, слишком опасные.

Алехандро провёл группу через служебный вход. Внутри было прохладно и сумрачно. Пахло ладаном, старым камнем и временем.

— Вот здесь, — сказал он, останавливаясь перед дальней стеной в подвале. — Мы обнаружили символ, когда расчищали штукатурку. Корабль. Три мачты. Точно такой, как в ваших документах.

Тори подошла ближе. Символ был едва виден под слоем грязи, но она узнала его сразу. Этот знак она видела в Италии, в Китае, в Индии, в Бразилии, в Аргентине. Везде.

— Это они, — сказала она. — Хранители. Они были здесь.

— Я надеялся, что вы это скажете. — Алехандро взял фонарь. — Идёмте дальше. Там есть ещё кое-что.

Он повёл их через узкий коридор, который заканчивался массивной деревянной дверью. На двери — ещё один символ. И надпись на латыни: «Custodes veritatis».

— Вы знаете, что это значит? — спросил Алехандро.

— «Хранители истины», — ответила Тори. — Так они называли себя в Италии. И в других странах.

— Значит, ваши документы не врут.

— Они никогда не врут.

Дверь открылась с трудом — петли заржавели за столетия. За ней оказалась просторная комната со сводчатым потолком. Вдоль стен — деревянные стеллажи. На стеллажах — коробки, свитки, книги. И в центре — каменный постамент, а на нём — ларец. Точно такой же, как во всех других тайниках.

Тори замерла на пороге. Она видела такое десятки раз — на фотографиях, в отчётах, вживую, — но каждый раз сердце замирало. Это был не просто ларец. Это было послание. Через века. Через океаны. От тех, кто верил, что однажды их найдут.

— Открывайте, — сказала она.

Алехандро подошёл к ларцу и осторожно поднял крышку. Внутри лежали свитки, перевязанные выцветшей лентой. И

письмо. Тори взяла его и развернула. Латынь, смешанная с испанским.

— «Мы, Хранители Истины, прибывшие из Испании в Новую Испанию в год 1598, оставляем сию запись. Мы нашли убежище в монастыре Сан-Мигель. Братья-францисканцы приняли нас с миром. Мы продолжили нашу работу здесь. Но главное — мы нашли то, что искали. Следы древних. Тех, кто был здесь до нас. Кто тоже хранил знания. Кто построил пирамиды и города. Мы учились у них. И мы оставили это знание здесь. Пусть те, кто придёт после, продолжат наш путь. Мы были здесь. Мы верили. Мы любили».

Тори опустила письмо.

— «Следы древних», — повторила она. — Они нашли что-то, связанное с индейцами. С майя или ацтеками.

— Значит, ваша теория верна, — сказал Алехандро, и в его голосе впервые за всё время прозвучало неподдельное волнение. — Хранители не просто принесли знания в Новый Свет. Они нашли здесь то, что уже существовало. Какую-то местную традицию сохранения знаний.

— Да. И мы должны понять, какую.

— Это меняет всё. Если Хранители взаимодействовали с доколумбовыми цивилизациями на таком уровне, это переворачивает представления об истории контактов Европы и Америки.

— Именно. Поэтому мы здесь.

Они начали разбирать архив. Студенты фотографировали каждый документ. Переводчик работал с испанскими текстами. Тори и Алехандро взяли на себя латынь.

Через несколько часов Тори нашла то, что искала. Карту. Не такую подробную, как пекинская, но достаточно ясную. На ней были отмечены точки — Мехико, Пуэбла, Оахака, полуостров Юкатан. И везде — символ корабля.

— Здесь пять точек, — сказала она. — Пять тайников по всей Мексике.

— Это работа на несколько месяцев, — заметил Алехандро.

— Мы справимся. У нас есть команда. И у нас есть вы.

— Я польщён.

— Не обольщайтесь. Это деловое партнёрство.

— Разумеется. — Он улыбнулся той самой улыбкой, которая её раздражала. — Чисто деловое.

Тори отвернулась, чтобы скрыть, что уголки её губ дрогнули в ответной улыбке. Она не собиралась давать этому самоуверенному мексиканцу повода думать, что он ей нравится. Даже если это было правдой.

Глава 2. Алехандро

Мехико, уличное кафе в районе Койоакан
Вечер после находки

Койоакан — старый колониальный район Мехико, где мощёные улочки петляли между ярко-розовыми и охряными домами с резными деревянными балконами, а воздух пах жасмином и свежей выпечкой. Здесь когда-то жили Фрида Кало и Диего Ривера, здесь до сих пор кипела богемная жизнь, и туристы толпами ходили по музеям, а местные жители пили кофе в крошечных кафе, спрятанных во внутренних двориках.

Тори сидела за столиком под раскидистым жакарандовым деревом и пила мексиканский кофе — густой, горьковатый, с корицей. После нескольких дней, проведённых в пыльном подвале монастыря, вечер в таком месте казался почти раем. Алехандро сидел напротив. Он сам выбрал это кафе — «лучшее в Койоакане», по его словам, — и теперь смотрел на неё с тем же выражением, что и в аэропорту: с лёгкой насмешкой, смешанной с любопытством.

— Вы хорошо поработали сегодня, — сказал он. — Для

человека, который впервые в Мексике.

— Я не впервые, — возразила Тори. — Я была в Канкуне. В детстве, с родителями.

— Канкун — это не Мексика. Канкун — это пляж для туристов. — Он махнул рукой, словно отгоняя назойливую муху. — Настоящая Мексика — здесь. В Мехико, в Оахаке, на Юкатане. В джунглях, где до сих пор находят пирамиды. В деревнях, где говорят на языках, которым две тысячи лет.

— Вы поэт?

— Архитектор. Это почти то же самое. — Он отпил кофе. — Расскажите мне о вашей семье. О Хранителях.

— Вы читали книгу?

— Читал. «Хранители: история одной семьи». Три тома. Потрясающее чтение. Но книга — это одно. А живой человек — другое.

Тори помолчала, раздумывая. Она не привыкла рассказывать о семье посторонним. Но Алехандро не был посторонним — он был частью экспедиции. И он действительно прочитал книгу, а это уже заслуживало уважения.

— Моя прабабушка Марьяна, — начала она. — Ей сейчас восемьдесят четыре. Она нашла первый тайник в Москве, когда ей было двадцать три. Её отец, Андрей Ларин, начал это расследование, но погиб. Марьяна продолжила. Потом к ней присоединились другие — Воронцовы, Громы. Две семьи, которые враждовали тридцать лет. А потом... потом они стали одной семьёй.

— Я читал об этом. В книге это описано как «чудо».

— Это не чудо. Это работа. Они просто выбрали прощение вместо мести.

— Не каждый способен на такой выбор.

— Знаю. Поэтому я ими горжусь.

Александр кивнул.

— А ваши родители? Андреа и Максим? Они тоже участвовали в экспедициях?

— Да. Они нашли архивы в Италии, в Китае, в Индии, в Бразилии. Сейчас они в Аргентине — руководят новым филиалом Академии.

— А ваш брат Андрей?

— Он в Чили. У него своя экспедиция.

— Значит, вся семья разбросана по континентам.

— Да. Но мы на связи. Пишем письма, звоним, приезжаем на семейные советы. Раз в год все собираются в Москве. В особняке на Пречистенке. Это традиция.

— Красивая традиция.

— Семейная.

Он помолчал, вертя в руках чашку. Потом сказал:

— У меня нет такой семьи.

— Расскажите, — попросила она.

Он поднял на неё глаза. В них больше не было насмешки. Только что-то глубокое, спрятанное за маской обаяния.

— Мой отец был археологом. Он работал в Национальном институте антропологии. Занимался раскопками в Паленке,

в Чичен-Ице. Однажды он нашёл гробницу — очень древнюю, с богатыми артефактами. Но его коллеги... они оказались не теми, за кого себя выдавали. Они украли находки и продали на чёрном рынке. Отца обвинили в соучастии. Он не смог доказать свою невиновность. Его карьера была разрушена. Он умер от сердечного приступа, когда мне было пятнадцать.

— Мне жаль, — сказала Тори.

— Не стоит. Это было давно. — Он отпил кофе. — После его смерти я поклялся, что стану археологом. Что буду искать правду — как он. Но потом понял: я не хочу быть археологом. Я хочу быть архитектором. Строить. Сохранять. Как Хранители.

— Как Хранители, — повторила она.

— Да. Поэтому я и согласился работать с вашей экспедицией. Когда ваш запрос пришёл в институт, я первым поднял руку.

— Вы верите в Братство?

— Я верю в людей, которые его создали. В тех, кто писал «Мы были здесь. Мы верили. Мы любили». Это не просто

слова. Это... кредо.

Тори посмотрела на него. В уличном свете фонарей его лицо казалось почти резким — тени подчёркивали скулы, линию челюсти, лёгкую небритость. Но глаза были мягкими. И она вдруг поняла, что он ей нравится. Не как коллега. Как человек.

— Вы не такой, каким я вас представляла, — сказала она.

— А каким вы меня представляли?

— Самоуверенным. Нахальным. Тем, кто будет мешать.

— Я и есть самоуверенный и нахальный, — он улыбнулся.

— Но я не мешаю. Я помогаю.

— Заметно.

— Вот и отлично. Тогда завтра — снова в архив. Нужно расшифровать остальные документы. Там, кажется, есть указания на Юкатан.

— Юкатан, — повторила Тори. — Пирамиды, джунгли, древние города. Я мечтала там побывать.

— Значит, ваша мечта сбудется. — Он поднял чашку, словно для тоста. — За Юкатан.

— За Юкатан.

Они чокнулись чашками. И в этот момент Тори поняла, что эта экспедиция будет не такой, как все предыдущие. Не только из-за тайников. Из-за него.

Национальный институт антропологии, Мехико
Следующее утро

Институт размещался в монументальном здании в центре Мехико — бывшем колониальном дворце, перестроенном под музей и исследовательский центр. Алехандро провёл Тори через лабиринт коридоров в свой кабинет — небольшую комнату, заваленную книгами, картами и чертежами. На стенах висели фотографии археологических раскопок, на полках стояли керамические фигурки доколумбовой эпохи, а в углу, на деревянной подставке, возвышалась модель пирамиды Кукулькана в Чичен-Ице — той самой, где в дни равноденствия тень изображает спускающегося змея. Тори задержалась у макета, разглядывая ступени.

— Красиво, — сказала она.

— Это копия. Настоящая пирамида гораздо больше. Я работал там три года назад — реставрировал северную лестницу.

— Вы реставратор?

— Архитектор-реставратор. Специализация — колониальная архитектура и памятники майя. — Он сел за стол и разложил документы, которые они принесли из монастыря. — Я всю ночь работал с этими свитками. И кое-что нашёл.

Тори села напротив. Алехандро развернул один из свитков — тот, что был написан на смеси латыни и испанского.

— Здесь говорится о «Chichén Itzá», — сказал он. — Чичен-Ица. Хранители побывали там в 1605 году. Они встретились с местными жрецами, которые хранили древние знания майя. И они обменялись этими знаниями.

— Обменялись? Что именно они обменяли?

— Хранители дали жрецам технологии сохранения рукописей. А жрецы дали Хранителям... — он запнулся, вглядываясь в текст. — Здесь написано «el código de las serpientes». Код змей.

— Что это значит?

— Не знаю. Но это как-то связано с календарём майя. И с пирамидой Кукулькана. Кукулькан — это Пернатый Змей. Главное божество майя. Его храм — та самая пирамида.

— Значит, тайник может быть там.

— Возможно. Но чтобы попасть туда, нам нужно разрешение. Пирамида — объект ЮНЕСКО. Просто так копать нельзя.

— У нас есть разрешение. Вера договорилась с мексиканским правительством.

— Вы предусмотрительны.

— Это семейное. — Тори взяла свиток и пробежала глазами текст. — Здесь есть ещё что-то. «El camino de las tres serpientes» — «Путь трёх змей». Что это?

Алехандро нахмурился.

— Путь трёх змей... Я слышал это выражение. Это древняя легенда майя. Говорят, что где-то на Юкатане есть три пирамиды, соединённые подземными ходами. Они образуют

треугольник. И в центре этого треугольника спрятано «сердце змея» — главный тайник. Но никто никогда не находил эти пирамиды.

— Значит, мы найдём.

— Вы так уверены?

— Я Ларина. Ларины всегда находят.

Алехандро посмотрел на неё. В его глазах снова заплясали смешинки, но на этот раз к ним примешивалось что-то ещё. Уважение. Может быть, даже восхищение.

— Вы невыносимы, — сказал он.

— Слышала это много раз.

— Но я начинаю к этому привыкать.

— Вот и отлично. Тогда за работу.

Они склонились над картами. Впереди был Юкатан — джунгли, пирамиды, древние тайны. И где-то там, среди руин, ждал своего часа тайник, который не открывали четыреста лет.

Глава 3. Код змей

Мехико, Национальный институт антропологии, кабинет
Алехандро

Следующее утро, 8:00

Тори пришла в институт раньше всех — привычка, выработанная годами экспедиций. Она любила утренние часы, когда никто не мешает, когда можно разложить на столе все документы и работать в тишине. Сегодня ей нужно было разобраться с «кодом змей» — загадочным шифром, о котором говорилось в монастырских свитках.

Она разложила копии документов — те, что они нашли в Сан-Мигеле. Письма, карты, списки. И отдельно — фрагмент с упоминанием «el código de las serpientes». Текст был написан на смеси латыни и староиспанского, и некоторые слова она не могла перевести. Нужен был Алехандро с его знанием колониальной лексики, но он опаздывал, и Тори, хмураясь, пыталась разобраться сама.

Дверь открылась. Вошёл Алехандро — с двумя стаканчиками кофе и бумажным пакетом, из которого пахло свежей выпечкой.

— Доброе утро, — сказал он. — Вы опять не завтракали.

— Откуда вы знаете?

— У вас на столе нет ни крошки. И вы хмуритесь. Когда вы голодны, вы всегда хмуритесь.

— Вы следите за мной?

— Я наблюдателен. — Он поставил перед ней стаканчик и пакет. — Это чуррос. С корицей и сахаром. Национальное мексиканское блюдо. Ешьте.

Тори хотела возразить, но запах был слишком соблазнительным. Она взяла одну палочку и откусила. Хрустящая, сладкая, с корицей — действительно вкусно.

— Спасибо, — сказала она нехотя.

— Не за что. — Он сел напротив. — Что у нас сегодня?

— «Код змей». Я пыталась перевести, но некоторые слова не понимаю. Вот здесь, — она указала на фрагмент текста, — «la serpiente emplumada guarda el secreto en su corazón de piedra». Пернатый змей хранит секрет в своём каменном

сердце.

Александрo взял свиток и пробежал глазами текст.

— Это поэтическая метафора. Кукулькан — Пернатый Змей. Его храм — пирамида в Чичен-Ице. А «каменное сердце»... — он задумался. — Возможно, имеется в виду алтарный камень. В пирамидах майя всегда был алтарь в центральной камере. На нём совершали подношения. Если Хранители спрятали что-то в пирамиде, логичнее всего искать у алтаря.

— Но пирамиду Кукулькана исследовали вдоль и поперёк. Там нет неоткрытых камер.

— В самой пирамиде — нет. Но под ней — возможно. В 2015 году учёные обнаружили, что пирамида Кукулькана стоит на более древней пирамиде. А та — на ещё более древней. Это как матрёшка. Три пирамиды, построенные одна поверх другой в разные века. Возможно, под ними есть ходы, о которых мы не знаем.

— Подземные ходы. Как в Москве. Как в Бразилии. Как везде.

— Да. Хранители везде использовали одни и те же мето-

ды.

Тори взяла ещё один свиток — карту, которую они нашли в монастыре. На ней были отмечены точки — Мехико, Пуэбла, Оахака, Чичен-Ица, Ушмаль. Пять городов. Пять пирамид. И если соединить их линиями, получался идеальный пятиугольник — геометрически точный, словно вычерченный по линейке.

— Смотрите, — сказала она. — Если соединить все пять точек...

— Получается пентаграмма. — Алехандро склонился над картой. — Это не случайно. Майя использовали пятиугольники в своей архитектуре. Они символизировали Венеру — утреннюю звезду. А Венера была связана с Кукульканом.

— Значит, тайники расположены не хаотично. Они образуют геометрическую фигуру. И, возможно, в центре этой фигуры — главный тайник.

— «Сердце змея». — Алехандро взял карандаш и провёл линии от всех пяти точек к центру. Они сошлись в одной точке — где-то посреди джунглей Юкатана, вдали от всех известных городов. — Вот здесь. Если наша теория верна, главный тайник — здесь.

Тори посмотрела на карту.

— Мы должны проверить. Сначала — Чичен-Ица. Потом — эта точка.

— Это опасно. Джунгли Юкатана — не самое гостеприимное место. Там водятся ягуары, змеи, москиты, переносящие лихорадку. И, возможно, «чёрные археологи». После того как мы нашли архив в Сан-Мигеле, слухи могли разойтись. Если кто-то ещё охотится за сокровищами Братства, они могут пойти по нашему следу.

— Вы боитесь?

— Я реалист. — Он посмотрел на неё. — Но я иду с вами.

— Я и не сомневалась.

В дверь постучали. Вошёл один из студентов — взволнованный, запыхавшийся.

— Тори! Алехандро! Там... там человек. В вестибюле. Он спрашивает о монастырском архиве. Говорит, что он журналист. Но мне кажется, он врёт.

Тори и Алехандро переглянулись.

— Начинается, — сказала она.

— Да. — Он встал. — Я поговорю с ним. А вы пока спрячьте документы.

— Я сама поговорю.

— Тори...

— Я руководитель экспедиции. Это моя работа.

Она вышла из кабинета и направилась в вестибюль. Там, у стойки регистрации, стоял мужчина. Высокий, в тёмном костюме, с гладко зачёсанными волосами и холодными, ничего не выражающими глазами. Он не был похож на журналиста. Скорее на человека, который привык получать то, что хочет, любыми средствами.

— Сеньорита Князева-Ларина? — Он улыбнулся, но улыбка была фальшивой, словно приклеенной. — Меня зовут Рауль Мендес. Я представляю информационное агентство «Нотисиас дель Мундо». Мы хотели бы взять у вас интервью о находках в монастыре Сан-Мигель.

— У вас есть аккредитация? — спросила Тори.

— Разумеется. — Он протянул карточку. На ней действительно было написано «Нотисиас дель Мундо» и имя. Но что-то было не так. Тори не могла понять, что именно, но интуиция — та самая, которую она унаследовала от прабабушки Марьяны, — кричала об опасности.

— Я не даю интервью без предварительного согласования с пресс-службой института, — сказала она. — Обратитесь к ним.

— Но я здесь. И вы здесь. Неужели несколько вопросов займут много времени?

— Я занята.

Она повернулась, чтобы уйти, но Мендес шагнул вперёд и схватил её за локоть.

— Сеньорита, я настаиваю.

— Уберите руку. — Голос Тори стал ледяным.

В этот момент появился Алехандро. Он возник словно из ниоткуда — встал между Тори и Мендесом, и его обычно

добродушное лицо стало жёстким.

— Сеньор, — произнёс он тихо, но в голосе звучала сталь, — если вы сейчас же не покинете здание, я вызову охрану. И полицию. И, возможно, Министерство культуры — у меня там есть знакомые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.